

По материалам авторского текста «Тулун. Город, стоящий на воде», опубликованного в альманахе «Байкальская Сибирь. Предисловие 21 века».

Александр Пуляев,
преподаватель.

Сфера научных интересов:
социология города, повседневности
и образования,
г. Тулун,
Иркутская область,
tulbeis@mail.ru

Alexander Pulyaev
Professor,
Professional interests:
Sociology of a town, every
day life and education,
Tulun,
Irkutsk region,
tulbeis@mail.ru

Based on author's text 'Tulun. City on water' published in miscellany 'Baikal Siberia. Foreword to the 21st century.'

В качестве иллюстрации к рассказу Михаила Рожанского о проекте «Байкальская Сибирь» редакция неслучайно избрала именно этот текст. Он описывает типичную ситуацию многих малых городов Сибири. Да что там малых. Статья «Место, где не все плохо» в этой же рубрике демонстрирует схожие настроения и пассивные надежды на власть, хотя речь там идет об известном всем Владивостоке. Но нам важен посыл, который прозвучал в финале данной статьи.

Города, в которых мы живем, могут быть большими и малыми, но бывают любимые и нелюбимые. В любимом городе — люди, в нелюбимом — жильцы. В любимом городе я легко спрошу в кафешке соседа по столу: «Ну, как вам тут живется?» — и даже опрокину с ним по сто... В нелюбимом — не с кем и не о чем разговаривать. В любимом городе легко фотографировать: сюжеты сами напрашиваются в объектив. В нелюбимом городе фотографирование превращается в весьма утомительное занятие.

Каков сегодняшний Тулун, определить сразу и не скажешь, поскольку найти в городе для снимка место и необходимый ракурс, запечатлеть взгляд, который потом на фотографии «заговорил» бы со зрителем, увы, не так-то просто — его надо именно искать, разглядывать, выявлять, распознавать. Город мой как бы спрятался за мутным и зацарапанным плексигласовым окном, которое надо чистить и чистить — от окурков и фантиков, жестяных банок и пластиковых бутылок, от уличного

Исчезающая энергия малых городов. Тулун

Тема номера / Issue Subject

Disappearing Energy of Small Towns. Tulun

It was not by accident that the editors chose this text as an illustration to Mikhail Rozhansky's article about project 'Baikal Siberia'. It describes a typical for many Siberian small towns situation. Not only small ones. Lev Kolomytz's article demonstrates similar moods and passive hopes for government though it tells about well-known Vladivostok. But we are more interested in a message in the end of the article.

The towns we live in can be big and small as well as loved and not. Of course, by people. In a loved town — people, in unloved one — citizens. In the town I love I would easily ask a neighbour person in a small cafe: 'How do you live here?' — and even would knock back with him. In the town I do not love there is nothing and nobody to talk to. In the town you love you may take photos: the subject arises itself. In the town you do not love taking photos gets tiring.

It is difficult to say what present Tulun is since it is not easy to find proper place and perspective, to capture glance that would

later 'speak' with audience — you have to look for it, to look over, to discover, to recognize. The town seems to have hidden itself behind a dull scratched plexiglass window that needs to be cleaned over and over again from stubs and wrappers, tins and plastic bottles, from street chaos, from narcissism and self-sufficiency of local officials, from their habit to live the present day, from unjustified decisions and uneasy excuses...

On the one hand, Tulun is crossed by Trans-Sib mainline; on the other hand, it is divided by the river Iya from the south to the north. Within the bounds of the town the

хаоса, от самовлюбленности и самодостаточности местных чиновников, от привычки жить сегодняшним днем, от неоправданных решений и неловких оправданий...

С одной стороны, Тулун¹ пересекает Транссибирская железнодорожная магистраль, с другой — его расчленяет в направлении с юга на север река Ия. В пределах городской черты река делает два крутых поворота, образуя полукольцо, от которого, по одной из версий, город и получил свое весьма необычное название (от созвучного с «тулун» бурятского слова, обозначающего «мешок»). Эта географическая особенность отображена на гербе города. Обилие воды в городской черте осознается одновременно как великое благо и как серьезная угроза, последствия которой испытали на себе практически все тулунчане. Значительная часть города расположена в низине, близость грунтовых вод, заболоченность и отсутствие

¹ Географические координаты Тулуна: 54° 36' с.ш. и 100° 38' в.д.

river makes two sharp turns making a semi-ring that according to one of the versions gave a name to the town (it is phonetically similar to Buryatian 'tulun' — 'sack'). This fact found its reflection on the town coat of arms¹. Abundance of water, on the one hand, is taken as the good, on the other hand it is a serious threat that all citizens experienced in full measure. The most part of the town is in the hollow, vicinity to subterranean waters and marshes, absence of drain systems make life harder here. The citizens with bitter smile call our town a small Venice. After three floods in four years (from 1980 to 1984) the river topic became an everyday one together with weather, crops or health. Asking a traditional question: 'How about the river?'

¹ Tulun coat of arms has a form of a shield that is crossed by the blue river from the left to the right. The river curve is presented in the form of sack. The upper part of the shield contains the name of the city and the date of its foundation on the red background. A green forest is in the centre of the shield framed by yellow ears of wheat. In the bottom — a symbol of coal fields of black colour. This coat of arms was officially accepted on December 24, 1987. It was designed by S. Poluichik a teacher of art and graphic department of Tulun Pedagogical College.

дренажных систем составляют здесь непреходящую проблему. Жители с горькой иронией называют свой город маленькой Венецией. После того, как Тулун пережил за четыре года (с 1980 до 1984) три наводнения, речная тема прочно вошла в досужие разговоры о погоде, урожае или здоровье. На традиционный вопрос: «Как там река?» — в Тулуна всегда можно получить вполне конкретный ответ: «на прильбыли» или «уровень падает». Два мощных наводнения летом 2006 г., когда в Тулуна выпала тройная норма осадков, продемонстрировали не только капризы природной стихии, но и то, что город находится в глубоком кризисе.

Небольшой экскурс в историю. Из архивных документов видно, что основателями Тулуновской деревни были крестьяне из илимских волостей, занимавшие прежде бурятское название — Тулам. Чернозем, близость тайги, река, богатая рыбой — не мудрено,

you may get a definite answer, like 'rises' or 'abates'. In summer 2006 Tulun witnessed a threefold precipitation. Two strong floods demonstrated whims of nature as well as town crises.²

A small excursus into history. According to archival documents the founders of Tulun village were the peasants of Ilimsk districts who took the previous Buryat name — Tulam.³ Chernozem, vicinity of taiga, river full of fish — all these things attracted Russian people. The peasants

² There are hundreds of people that took offence at the government. In summer when the first consequences of the flood were eliminated local officials promised to help all the victims of two floods. They also said that the owners of the seriously destroyed houses would probably get new ones. But up to this moment most victims have to take shelter at their relatives' places, some are afraid of the thought about coming winter: they cannot understand how to live in damped covered with fungus and mould. Perov A. 100 tons of Tulun tears. AIF in East Siberia № 40 (489), 4.10.2006.

³ According to another less popular version, Tulun is probably derived from Yakutsk toloon — valley.

что крестьяне селились здесь, осваивая земельные угодья, и вокруг деревни, строили заимки² и вели гоньбу по государственной дороге Красноярск-Иркутск.

С 30-х гг. XVIII в. в Сибири действовало регулярное почтовое движение. Наемные ямщики получали не только деньги, но и пашни, и сенокосы в бесплатное пользование — из феодальной повинности возник промысел³. Деревня Тулуновская стала ямской станцией⁴. Через реку Ию была уже тогда круглосуточная паромная переправа.

² Так вокруг Тулуна возникли фамильные заимки: Казаково, Перфилово, Афанасьева, Никитаево, которые и по сей день являются сельскими поселениями.

³ Почту от Томска через Красноярск до Иркутска учреждал Витус Беринг. Жители каждого стана должны были содержать 4 лошади, предназначенные исключительно для перевозки почты. Крестьян и разночинцев Красноярского и Енисейского уездов, освободив их от уплаты подушной подати и оброка, записывали в ямщики. По ГАИО, ф. 75, оп. 2, арх. 356. лл. 8-10.

⁴ По уездной переписи в 1745 г. население Тулуновского погоста состояло: крестьяне государственные — 265, разночинцы — 11, ссыльные — 21, итого — 297 человек.

settled there enlarged plough lands, exploiting lands around village, started building isolated farmsteads⁴ and hunting on the road from Krasnoyarsk to Irkutsk.

A small excursus to history. From the 80s of XVIII century a regular post appeared in Siberia. Hired coachmen got money as well as arable lands, hayfields in free use — trade appeared out of feudal duty.⁵ Village of Tulun became a coachman station.⁶ A ferry crossing over the Iya river had existed already at that time.

⁴ That was the way family isolated farmsteads appeared near Tulun: Kazakovo, Perphilovo, Aphanasyevo, Nikitaev, they still remain settlements.

⁵ The post from Tomsk through Krasnoyarsk to Irkutsk was headed by Vitus Bering. The settlers of each camp should keep four horses to deliver the post only. The peasants and raznochinets from Krasnoyarsk and Yenisei districts were freed from capitation and tribute, they were made coachmen. State Archive of Irkutsk Region.

⁶ According to uyezd census of 1745 the population of Tulun church-yard was comprised of: state peasants — 265, raznochinets — 11, exiles — 21, altogether — 297. Coming back from Irkutsk in 1745 G. Miller in his diary wrote: 'Tulun is a churchyard. There is a temple of festival of the Protection of the Virgin. 20 yards with 15 coachmen and 15 carts.'

Благодаря Московскому тракту и действиям властей село стало быстро застраиваться и разрастаться. По тракту двигались обозы с товаром, шли солдаты, гнали арестантов, ехали почтовые и пассажирские кареты. «В экономическом отношении Тулун далеко опередил город Нижнеудинск и сделался видным торговым центром, из которого отправляются многие товары, минуя Иркутск, к Ангаре и к пристаням на реке Лене, для потребностей Якутского края. Этим же путем отправляются многочисленные партии рабочих на Ленские золотые промыслы...»⁵. В начале декабря 1897 г. тулунчане встречали первый поезд по Транссибу. Быстро активизировалась торговля, и появился пролетариат⁶.

⁵ Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 34. — СПб., 1902.

⁶ В 1903 г. открылись Тулунские (Велистовские) угольные копи — первое промышленное предприятие старого Тулуна. В 1904 г. строится водочный завод («Тулунский винный склад»). Кроме того, работал лесопильный завод, были развиты кустарные промыслы: кузнечный, гончарный, гужевой, мыловаренный и другие.

С началом столыпинской реформы на станции Тулун действовал переселенческий участок, обеспечивший дополнительный приток дешевой рабочей силы. Больничный комплекс этого участка обслуживает население до сих пор.

В начале XX в. здесь стали открываться ремесленные училища, частные школы, воскресные школы для взрослых. В 1913 г. при содействии Георгия Семеновича Виноградова (впоследствии крупного ученого, этнографа, фольклориста, профессора, академика) в Тулуне было открыто отделение Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. В состав Общества, существовавшего на членские взносы и пожертвования, входило 270 человек. Были созданы богатая библиотека и музей, имевший тогда отделы: сельскохозяйственный, этнографии, истории, геологии и палеонтологии, минералогии, флоры и фауны.

Тулун стал городом в 1927 г., с началом советской индустриализации, и

Исчезающая энергия малых городов. Тулун

Тема номера / Issue Subject

Disappearing Energy of Small Towns. Tulun

Owing to Moscow tract and local administrative policy the village started to grow fast. Carts with goods, soldiers, prisoners, post and passenger trains were there. 'Economically Tulun left behind Nizhneudinsk and became an important trade centre from which the goods to the Angara, to the wharfs on the Lena, to Yakutia passing Irkutsk were sent. The same way take numerous parties if workers to the Lena gold-mines...'⁷ Early in December 1897 the citizens of Tulun met the first train on Trans-Sib mainline with the help of which trade livened up in Tulun and proletariat as a class appeared.⁸

With Stolypin's reform an emigrant office functioned in Tulun. Surge of

⁷ Encyclopaedia. Brokgaus and Efron. Volume 34. Saint-Petersburg, 1902

⁸ Tulun (Velistovsk) coal mines were opened in 1903 — the first industrial factory of Old Tulun. In 1904 vodka factory was built ('Tulun wine storehouse'). Besides, saw mill worked, several hand-made activities were developed: blacksmith's, potter's, animal-drawn, soap etc.

cheap labour force contributed to quick development of agriculture as well as craft and hand-made production, trade. The hospital of that office still serves the population.

In the beginning of XX century industrial schools, private schools and Sunday schools for adults started to open here. In 1913 with Georgy Vinogradov's help (later a famous scientist, ethnographer, specialist in folklore, professor and academician) a department of Siberian Study and Improvement of its Life Society was opened. 270 people were members of this Society that existed on membership fees and donations. There were opened a rich library and museum that had several departments: agricultural, ethnographical, historical, geological, paleontological, mineralogical, and of flora and fauna.

All social life happened in the house of merchants' assembly (now the Centre of Children's Arts). This building was

erected by Tulun merchant as a place for business meetings and entertainment. The life was animated: merchant meetings, rich weddings, plays and concerts.

Tulun got the status of a town in 1927 with the beginning of Soviet industrialization⁹ and all its history developed in the town structure. More than 40 industrial plants and building organizations worked in the town up to the early 1990s.

A productive capacity based mainly upon open-pit mines. Open-pit mines¹⁰ together with rich coal field contributed fast bloom of this industry in our town and as a result to the wealth of the coal-

⁹ Under VTsIK (All-russian Central Executive Committee) resolution from September 5, 1927: 'Settlement Tulun of Siberian region is to be turned into a town since October 1, 1927. A new town should be given a name of Tulun'.

¹⁰ In 1957 on the initiative of the director of the coal mine Zinchenko they start to extract coal in open-pit mines, and the coal mine gets the name of Tulun open-pit mines. Though one of the districts is still called Shakhta (Coal mine).

вся ее история развернулась в структуре городского пространства. До начала девяностых в городе работало более 40 промышленных предприятий и строительных организаций.

Производственный потенциал основывался преимущественно на угольных разрезах. Угольщики хорошо зарабатывали и потому профессия шахтера пользовалась в городе необыкновенной популярностью. На курсы экскаваторщиков уже в постперестроечный период записаться было так же трудно и престижно, как поступить в высшее учебное заведение. Тогда никто не представлял, что закрытие угольных шахт и разрезов станет реальностью.

В девяностые годы поочередно закрываются угольные разрезы — главные градообразующие предприятия Тулуна. Огромное количество леса было к тому времени уничтожено, южная и северная части города с заброшенными отвалами стали напоминать лунный ландшафт. Пострадали и сельскохозяйственные

угодья. Утратив естественную защиту из вековых лиственниц и сосен, город стал подвержен ветрам, которые все чаще пытаются сорвать с крыши шифер.

Сегодня Тулун — город, районный центр, занимающий площадь более 13000 га, с населением около 49 тысяч человек. Территориальное устройство, внешний его облик и уклад жизни характерны для любого малого города Иркутской области: Нижнеудинск, Куйтун, Зима, Черемхово и другие.

Микрогеография сложилась в результате объединения трех центров развития: исторической части города, железнодорожной станции Тулун и станции Нюра. Железнодорожная станция Тулун расположена на левом берегу реки Ии и поистине является фасадом города, однако, тяготея географически и экономически к его центральной части, она все еще остается его западной

окраиной. Многие тулунчане начинают забывать о том, что до открытия моста через железную дорогу всем желающим добраться до остановки «Вокзал» или вернуться в город приходилось иногда подолгу простаивать на железнодорожном переезде. Восточная окраина расположена на правом берегу Ии и сформировалась в результате агломерации поселков Шахта и ЛДК (лесодеревоперерабатывающего комбината) с некогда относительно обособленной станцией Нюра, которая по сей день выступает в качестве своеобразных «восточных ворот города»⁷.

Главные улицы в Тулуне только с иронией можно назвать главными. Знаками того, что улица Ленина — центральная, служат памятник Ленину, административные и торговые здания,

⁷ Именно здесь мне впервые довелось услышать поговорку: «Нюра, надень Шубу, скоро Зима», в которой последовательно названы станции на восток от Тулуна.

1. Бывший Тулунский гидролизный завод, ныне Восточно-Сибирский комбинат биотехнологий.
2. Летом 2006 года Тулун перенес два мощнейших наводнения.

1. Former Tulun hydrolysis factory, present Eastern Siberian biotechnological industrial complex.
2. Tulun witnessed two heaviest floods in summer 2006.

mine workers which made this profession enormously popular in the town.¹¹ When in the times of perestroika the courses for excavator operators were opened it was as difficult to get there as to enter university.

Nobody could imagine that shutting coal mines would become a reality. Economical crisis led to the close of profitable plants as well as unprofitable ones. The main town forming factories were closed in 1990s one after another. Enormous number of trees had been cut down, the southern and the northern part of the town resembled Moon surface. Farming grounds were damaged. Having lost a natural protection of century-old larches and pine-trees the town experienced winds that more and more often try to tear off roofing slates.

¹¹ "Tulun gave a lot and sacrificed a lot of things to establish and develop coal industry in the region. That was the coal industry that changed with the help of its enterprises the image of the city and bordering territory." Piven' V. Tam gde ya zhivu — Krasnoyarsk: Sibirskie promysly, 2005. p.50.

Today Tulun is a town, district centre with more than 13 000 hectares and population of 49 000 people. The organization of the territory is typical of any small town of Irkutsk province: Nizhneudinsk, Kuitun, Zima, Cheremkhovo.

Microgeography appeared as a result of joining up three centres: historical part of the town, Tulun railway station and Nyura station. Tulun railway station is in the left bank of the river and is a real façade of the town but though strongly attracted geographically and economically to the centre of the town it remains its western outskirts. Today many people forget that they had to stand idle on the railway crossing before appearance of the bridge over a railway. The eastern outskirt on the right bank of the river was formed as a result of agglomeration of Shakhta settlement and Woodworking industrial complex with previously isolated station of

Nyura that is now acts like 'eastern gates of the town'. Bedroom community with typical names appeared almost at the same time with settlements or some time later.

The main streets of the town are noticeable markers of efforts to put in order town space. But they can be called streets only ironically. Lenin Street is the main, since there is a monument to Lenin, administrative and business offices some of which are architectural monuments — already tumbledown — and illumination at nights.

Industrial objects remain in the mind of most Tulun people as objects of pride, a kind of town brand. If a newcomer asks to tell something about the town, an average citizen of 40 years old or older as usual would start his story by saying what large plants worked or still work in Tulun.

Energy of the people in small towns and settlements passed across the generations

многие из которых являются памятниками деревянного зодчества — уже ветхими — да еще уличное освещение в ночное время.

Индустриальные объекты продолжают оставаться в сознании большинства тулунчан предметом особой гордости, своеобразным брендом города. Если кто-либо из приезжих попросит поведать о городе, то среднестатистический горожанин лет сорока или старше, как правило, начнет рассказ с того, какие значительные предприятия работали в Тулуне прежде или продолжают работать в настоящее время.

Энергия и инициатива людей в малых городах и совсем маленьких поселениях поколениями передавалась от первооснователей, которые однажды пришли в Сибирь, поставили на конкретном месте свой дом, посадили дерево, возделали поле, открыли ремесленную мастерскую, проложили дорогу. Все это было

положено в основу их фамилии, откуда пошла и характер, и норы, и профессиональное, переходящее из поколения в поколение занятие, вера и линия поведения, быт и уклад семьи. В малых городах таких фамилий, или станковых родов, свойственных поселению, всегда имелось несколько. Они определяли и определяют по сей день то, что называют энергией малых городов. В Тулуне, вобравшем в себя историю индустриализации и вместе с ней не одну волну переселенцев, влияние конкретных фамилий малозаметно, но, возможно, именно близость к природе и крепкие деревенские корни позволяют тулунчанам не сдаваться.

Но что же дальше?

Тулунские сложности достигли такого размера, что в мае 2006 г. впервые в истории Законодательного собрания Иркутской области весь областной парламент и региональные чиновники провели в Тулуне выездное заседание.

Буквально накануне по городу пронеслась весть о том, что последнее градообразующее предприятие Тулуна — гидролизный завод — на грани остановки. Гидролизный завод (дата образования — 1949 г.) до недавнего времени был одним из самых стабильно работающих предприятий микробиологической промышленности России⁸. Но после вступления с 1 января 2006 г., в силу ряда федеральных законов и внесения изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ, данное предприятие лишается права реализовывать произведенную продукцию. Тем самым была поставлена

⁸ Еще недавно директор завода В.А. Хаматаев о состоянии гидролизной отрасли в городе говорил следующее: «Из трех гидролизных в Иркутской области наш, как Одиссеев корабль, более или менее успешно минует многочисленные Сциллы и Харибды в бурном море постсоветской экономики, обходя опасные рифы и мели. О Зиминском сегодня напоминает лишь чад тлеющих под землей отвалов лигнина, отравляющих окрестности. Бирюсинский недавно прославился на всю Россию тем, что в канун новогодних праздников там состоялась массовые голодовки работников, месяцами сидевших без зарплат».

Исчезающая энергия малых городов. Тулун

Тема номера / Issue Subject

Disappearing Energy of Small Towns. Tulun

from founders who had once came to Siberia, built their houses, planted a tree, ploughed a field, opened a craft workshop, built a road. All these things put a start to their surname, then determined their character, occupation passing from one generation to another, faith and way of life, mode of life. There were always several families or clans peculiar to the settlement. They determined and still determine what we call nowadays 'energy of small towns'. Influence of concrete surnames is hardly visible, as if attenuated, in Tulun, a town that absorbed a history of industrialization and several waves of emigrants, but Tulun is often called 'great village' and it is so. Vicinity to nature and strong rural roots probably allow Tulun people to live and survive in the present difficult economical situation.

What will happen later? In August 2006 Tulun administration informed the population that the town had a

20 million roubles debt for coal in the previous heating season and there were no money for the coming one. On February 8, 2007 the Mayor on the meeting with Tulun teachers remarked that the town had coal only for one day and in case the temperature decreased a catastrophe would happen. While summing up the results of the last year he underlined the difference between damage from the floods (about 60 million roubles) and the money given to eliminate it (5 million roubles).

Tulun problems became so serious that in May 2006 for the first time in the history of the Legislative Assembly of Irkutsk region the whole regional parliament and regional officials held an out meeting. Practically on the eve of this event the town found out that the last remaining town-forming enterprise — hydrolysis factory was about to shut down. Hydrolysis factory (founded in 1949) has been lately one of the most stabile enterprises of

microbiological industry in Russia.¹² But following passing of several federal laws and amendments to the 2nd part of the Russian Tax Code from January 1, 2006 the factory was deprived of its right to sell its production. That was a bold dot in the destiny of the last town-forming enterprise.

Tulun is called nowadays the most problematic territory of the region and it is quite true since 48% of its population live below the poverty line. One of the markers of social instability is the first place in the region in tuberculosis. Another marker is more than ten taxi services in the town

¹² It was not long ago that the director of the factory Khanmataev V. said the following concerning situation of hydrolysis industry in the town: 'Among three hydrolysis factories in Irkutsk region our factory like an 'Odysseus' ship more or less manages to pass Scilla and Haribda in the stormy sea of post-Soviet economy avoiding dangerous reefs and sandbanks. Zima is remembered only because of fumes of burning under the ground dumps of lignin. Biryusinsk became famous when on the New Year's Eve there happened mass hunger-strikes of workers who had not seen their wages for months'.

жирная точка в судьбе последнего градообразующего объекта города.

Тулун сегодня называют самой проблемной территорией региона, и это вполне справедливо, поскольку сорок восемь процентов населения живут за чертой бедности. Один из индикаторов социального неблагополучия — первое место в области по заболеваемости туберкулезом. О критическом уровне безработицы говорит другой — в городе в настоящее время насчитывается уже более десяти служб такси, тогда как рынок оказываемых ими услуг давно перенасыщен.

Тулун стремительно превращается из города угольщиков, стекольников и гидролизников в город таксистов, бюджетников и вахтовиков. Одни уже давно отправились на заработки в дальние края, другие, под давлением домашних, только начинают прокладывать себе эту нелегкую дорогу. «Мужик должен быть добытчиком и содержать семью, и мне все равно, где он будет работать, пусть

хоть на Северный полюс едет, — высказалась о безработном муже одна из знакомых женщин, — хватит ему холодильничек охранять».

Местные власти и депутаты разных уровней все чаще говорят о переподготовке освободившихся в городе кадров и развитии вахтового метода трудоустройства. Предпринимаются попытки по созданию новых рабочих мест.

Депутат Законодательного собрания Геннадий Нестерович предлагал перевести гидролизный завод на выпуск пищевого спирта из зерна, что было бы естественно в аграрном районе. Говоря о перспективах тулунской промышленности, депутат замечает, что обилие природных ресурсов испортило хозяйственников. Речь больше ведем о нефти, газе, угле, золоте, не принимая во внимание таких пустяков, как огнеупорные глины, гипс, известь, щебень... А это ведь исходное сырье для производства стройматериалов. «В программе социально-экономического развития

области, которую недавно представили депутатам, намечено довести строительство жилья к 2010 г. до 1 млн. кв. м, но ни слова нет о том, где возьмем для этого материалы. Они лежат под ногами, а мы ленимся наклониться»⁹.

Действительно, как можно говорить об инвестиционной привлекательности территории, не зная толком, чем мы владеем? Возможно, что депутат прав и в том, что «опасные иждивенческие настроения тулунчан» и «комплекс провинциальной неполноценности» мешают развернуться в городе новым передовым, перспективным производствам?

⁹ «Лучший вариант для гидролизного завода — перейти на выпуск пищевого спирта». Интервью с депутатом Законодательного собрания // Областная газета, 19 июля 2006 г.

though this market is oversaturated. It is the evidence of critical rate of unemployment and further worsening of economical situation.

Tulun swiftly turns from the town of coal-miners, glass-cutters and hydrolysis experts into a town of taxi-drivers, employees of a government-financed organizations, shift workers. Some people have already gone in search of a job to remote territories, other pressed by their family only start this hard way. 'A man must be a breadwinner and support his family and I don't care where he will work, even in the North Pole,' said one lady about her jobless husband, 'that will do for him to stand guard over the fridge.'

Local authorities and deputies of different levels more and more often talk about retraining of unemployed people and development of shift work. They try to create new vacancies. A new woodworking equipment has already

been installed on the territory of former Woodworking industrial complex.

Legislative Assembly deputy Gennady Nesterovich offered to produce alcohol out of wheat on the hydrolysis factory which would be sensible in the agricultural area. Talking about future of Tulun industry the deputy notes that abundance of natural resources damaged psychology of industrial managers. We talk more about oil and gas, coal, gold not paying attention to such trifles as fireproof clay, gypsum, lime, and detritus... And these are the raw materials to produce building materials. 'In the programme of social and economical development of the region that has been recently presented by deputies construction is proposed to be increased by 2010 to 1 million m², but there is no mention where to take the materials. They are underfoot and we are too lazy to bend and take them.'¹³

¹³ 'The best variant for hydrolysis factory is to start produce alcohol'. Interview with Legislative Assembly // Oblastnaya gazeta, 19 July 2006.

How can we talk about investment appeal of the territory if we do not know quite well what we have? The deputy may be right that 'dangerous dependent moods of Tulun people' and 'complex of provincial inferiority' interfere with new advanced, prospective production. A saying 'Siberian towns were built not with the tongue but with the merchants' money' has been well forgotten during the years of mismanagement.

After long years of calm a creative and intellectual life recommences in the town, the role of local media and television increases, an experimental journalistic studio was created. The citizens of Tulun more and more often talk about dilemma that is to solve within the next few years: will Tulun be saved as a town?